“БЕЛЛЕТРИСТЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ”
№ 26

В. КАТАЕВЪ

МЕНЯ БАБЫ ЛЮБЯТЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
“ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ”
ПАРИЖЪ
1927

В. КАТАЕВЪ

МЕНЯ БАБЫ ЛЮБЯТЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
'ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИКЪ"
ПАРИЖЪ
1927

НОЖИ

Воскресная прогулка по бульвару — замѣчательный способъ въ полной мѣрѣ опредѣлить человѣка.

Пашка Кокушкинъ началъ воскресную свою прогулку по Чистымъ Прудамъ въ шесть часовъ вечера. Прежде всего онъ зашелъ въ открытый павильонъ Моссельпрома и выпилъ бутылку пива. Это сразу опредѣлило его правильный подходъ къ жизни и умѣренность.

Затѣмъ онъ купилъ у бабы два стаканчика каленыхъ подсолнуховъ и пошелъ, не торопясь, по главной аллеѣ. По дорогѣ пристала цыганка.

— Красивый, молодой, дай по рукѣ погадаю, скажу тебѣ всю правду, за кѣмъ страдаешь скажу, и что у тебя на сердцѣ скажу, все тебѣ скажу, ничего не утаю и десять копѣекъ за все удовольствіе старой цыганкѣ подаришь. Погадаю, хорошо будетъ, не погадаю, жалѣть будешь.

Пашка подумалъ и сказалъ:

— Гаданье по рукѣ, тетка, это — предразсудокъ и ерунда, однако, получай гривенникъ и можешь гадать — все равно набрешешь.

Цыганка спрятала гривенникъ въ пеструю юбку и показала черные зубы.

— Будетъ тебѣ, молодой человѣкъ, пріятная встрѣча, будетъ тебѣ черезъ эту встрѣчу тоска на сердцѣ, поперекъ дороги тебѣ стоитъ пожилой мужчина, ничего не бойся, бойся, молодецъ, ножа, будетъ тебѣ отъ ножа большая непріятность, не бойся друзей, — бойся враговъ, и зеленый попугай тебѣ въ жизни счастье принесетъ. Гуляй себѣ на здоровье.

Цыганка выпятила тощій животъ и важно поплыла прочь, шаркая по землѣ коричневыми пятками.

— Интересно, сука, брешетъ, — сказалъ Пашка, подмигнулъ и, захохотавъ, отправился дальше.

По дорогѣ онъ извѣдалъ по очереди всѣ наслажденія, какія предлагала ему жизнь: сначала взвѣсился на шаткихъ вѣсахъ — вышло четыре пуда пятнадцать фунтовъ; черезъ нѣкоторое время, присѣвъ отъ на-

туги на корточки, попробовалъ силу и дожалъ дрожащую стрѣлку силомѣтра до "сильнаго мужчины"; погулявъ еще немного, испыталъ нервы электричествомъ — взялся руками за мѣдныя палочки, по суставамъ брызнули и застрѣляли мурашки, — суставы наполнились зельтерской водой — ладони прилипли къ мѣди — однако, нервы оказались крѣпкими.

Затѣмъ, наконецъ, онъ сѣлъ на стулъ передъ висячей на деревѣ декораціей, изображающей видъ Московскаго Кремля съ Каменнаго моста, положилъ ногу на ногу, сдѣлалъ звѣрское лицо и снялся въ такомъ видѣ. Получивъ черезъ десять минутъ мокрую карточку, Пашка долго, съ солиднымъ удовольствіемъ, разглядывалъ себя — клѣтчатая кепка, хорошо знакомый носъ, клешъ, рубашка-апашъ съ воротникомъ на выпускъ, пиджакъ, все честь-честью — очень понравилось, даже какъ-то не совсѣмъ вѣрилось, что это онъ самъ и такъ прекрасенъ.

— Ничего себѣ, — сказалъ онъ, аккуратно свертывая липкій снимокъ въ трубочку, и подошелъ къ лодочнымъ мосткамъ.

Для того, чтобы окончательно ис-

черпать весь запасъ воскресныхъ удовольствій, ему оставалось найти подходящихъ дѣвченокъ и покататься съ ними въ лодкѣ. Однако, случилось какъ-то такъ, что онъ пошелъ дальше, пока не дошелъ до неизвѣстнаго ему балаганчика. Въ широко открытыхъ дверяхъ толпился народъ. Слышалось металлическое звяканіе и хохотъ.

— Чего такое? — спросилъ Пашка у малорослаго красноармейца, трущагося у входа.

— Кольца кидаютъ, потѣха. Который накинетъ — самоваръ можетъ выиграть.

Пашка съ любопытствомъ заглянулъ черезъ головы въ балаганъ, ярко освѣщенный внутри лампами. Вся задняя его стѣна была затянута кумачомъ. На полкахъ, устроенныхъ въ три ряда, торчали воткнутые ножи. Между ножами были разложены заманчивые призы. На нижней полкѣ коробки конфектъ и печеній, на средней — будильникъ, кастрюли, кепки, а на верхней подъ самымъ потолкомъ въ полутьмѣ, — совершенно уже соблазнительныя вещи: двѣ балалайки, тульскій самоваръ, хромовые вытяжные сапоги, толстовка,

итальянская гармонь, стѣнные часы съ кукушкой и граммофонъ. На который ножъ кольцо накинешь — ту вещь и получаешь. А накинуть почти невозможно, — ножи очень тонкіе. — Кольца отскакиваютъ. Интересно.

Работая локтями, Пашка протерся въ балаганъ. За прилавкомъ старичокъ въ серебряныхъ очкахъ продавалъ кольца — четвертакъ сорокъ штукъ. Красный парень со взмокшимъ чубомъ, дико улыбаясь, дошвыривалъ послѣдній пятокъ колецъ. Пиджакъ его развѣвался. Желѣзныя кольца вылетали изъ грубыхъ его пальцевъ и, стукаясь объ ножи, со звономъ валились въ подвѣшенный снизу мѣшокъ. Зѣваки хохотали. Парень багровѣлъ. Задѣтые кольцами ножи упруго гудѣли и, туманно дрожа, расширялись воронкой.

— Тьфу, будь они трижды прокляты, тѣ ножи и тѣ кольца! — воскликнулъ, наконецъ, парень. — Полтора рубля просадилъ зря, хоть бы печеніе Бабаева взялъ, — и сконфуженно выбрался изъ толпы.

— Тутъ въ прошлое воскресенье одинъ сапоги выигралъ, — сказалъ

мальчикъ въ заплатанныхъ штанахъ: — на десять рублей кидалъ.

— А ну-ка, разрѣшите, — произнесъ Пашка, вплотную придвигаясь къ стойкѣ, — интересно, какъ это будетъ.

Старичокъ подалъ ему кольца.

— Значитъ, — спросилъ Пашка обстоятельно, — на нижній ножъ накину, то конфекты Бабаева можно получить?

— Можно, — сказалъ старичокъ равнодушно.

— А повыше, то и будильникъ?

Старичокъ кивнулъ головой.

— Интересно. Хо-хо. А если самоваръ, то надо небось, подъ самый потолокъ цѣлить?

— Да ты печенье-то возьми сначала, трепаться потомъ будешь, — сказали ему изъ толпы нетерпѣливо: — валяй!

Пашка положилъ на прилавокъ снимокъ, раздвинулъ напиравшую публику локтями, облокотился, нацѣлился, но тутъ вдругъ рука его дрогнула, кольцо вырвалось изъ пальцевъ, бокомъ упало на полъ и покатилось. Пашка похолодѣлъ. Возлѣ полокъ, сбоку сидѣла на стулѣ, аккуратно сложивъ на колѣняхъ ручки, наряд-

ная дѣвушка такой красоты, что у Пашки помутилось въ глазахъ. Дѣвушка быстро встала со стула, поймала кольцо, подала его, не глядя, и улыбнулась вдругъ легонько въ сторону самымъ краешкомъ ротика — и тутъ Пашка погибъ.

— Ну-ка! Что же ты, парень? Валяй, самый самоваръ! Крой! — кричали за спиной любопытные.

Пашка очнулся и принялся швырять кольца одно за другимъ, ничего вокругъ не видя, кромѣ опущенныхъ рѣсницъ дѣвушки и ротика, лопнувшаго поперекъ, какъ черешня. Когда онъ расшвырялъ всѣ сорокъ колецъ, она собрала ихъ и молча положила на прилавокъ, однако, на этотъ разъ не улыбнулась, а только приподняла на Пашку сѣрые глаза и поправила русый волосъ, выбившійся возлѣ уха. Пашка выложилъ другой четвертакъ. Кольца неуклюже летѣли одно за другимъ. Зѣваки хохотали, напирали въ спину. Ножи гудѣли, какъ пчелы. Старичокъ равнодушно чесалъ скрюченнымъ пальцемъ носъ.

Просадивъ цѣлковый и не накинувъ ни одного кольца, Пашка потерянно выбился изъ толпы на буль-

варъ и пошелъ подъ липами, вдоль розовой отъ заката воды. Надъ прудомъ стоялъ еле замѣтный туманъ. Свѣжій холодокъ шелъ по рукамъ. Не одна пара стриженыхъ дѣвченокъ, съ зелеными и синими гребешками въ волосахъ, обнявшись, пробѣгала мимо Пашки, оборачиваясь на него съ хохотомъ и притворно толкаясь, — больно, молъ, хорошъ мальчикъ! — однако, Пашка шелъ, не обращая на нихъ вниманія и задумчиво пѣлъ:

— Цыганка гадала, цыганка
гадала.
Цы-ы-ган-ка га-да-ла, за руч-ку
бра-ла.

За ночь онъ влюбился окончательно и безповоротно.

Цѣлый мѣсяцъ, каждое воскресенье ходилъ Пашка въ балаганъ кидать кольца. Половину получки извелъ такимъ образомъ на вѣтеръ. Въ отпускъ не поѣхалъ, пропустилъ чередъ, сталъ совсѣмъ чужой. Дѣвушка, попрежнему, опустивъ глаза, подавала ему кольца. Улыбалась иногда, про себя будто. А иногда, увидавъ Пашку врасплохъ, въ толпѣ,

вдругъ вся шла румянцемъ, такимъ темнымъ, что, казалось, плечи и тѣ сквозь тонкій маркизетъ начинаютъ просвѣчивать смуглыми персиками. Какъ ни старался Пашка, все таки не могъ улучить минуточки поговорить съ дѣвушкой по-душамъ: то народъ мѣшаетъ, то старикъ вредными глазами посматриваетъ черезъ очки, носъ крюченнымъ пальцемъ чешетъ, словно грозитъ Пашкѣ, — не подходи, молъ, не про тебя, дѣвка, проваливай. Одинъ разъ все-таки Пашкѣ удалось кое-какъ поговорить. Народа было мало, а старичокъ какъ-разъ побѣжалъ съ хворостиной за балаганъ гонять безпризорныхъ.

— Наше вамъ, — сказалъ Пашка, и въ сердцѣ у него захолодѣло. — Какъ васъ звать?

— Людмилой, — быстро и жарко шепнула дѣвушка. — Я васъ хорошо знаю, вы тутъ свою фотографію на стойкѣ какъ-то позабыли, а я спрятала, прямо влюбилась — до того хороша.

Дѣвушка сунула пальцы за воротникъ и показала у ключицы углушекъ смятой карточки. Повела гла-

зами и зардѣлась пунцовымъ цвѣтомъ.

— А васъ какъ звать?

— Пашкой. Не хотите ли сходить въ театръ "Колизей" — интересная программа демонстрируется, "Женщина съ милліардами", первая серія.

— Нельзя, папаша слѣдитъ.

— А вы помимо.

— Боже сохрани. Уйдешь, домой не пустятъ. А мамаша того хуже — мамаша на Сухаревомъ рынкѣ на свое имя ларекъ держитъ. Страсть до чего строгіе родители, прямо ужасно. Мы на Срѣтенкѣ живемъ въ Просфириномъ переулкѣ, отсюда невдалекѣ. Домъ № 2, во дворѣ отъ воротъ налѣво.

— Какъ же будетъ, Людмилочка?

— А такъ же и будетъ. Скорѣй кидайте кольца, папаша идетъ.

Едва Пашка началъ кидать кольца, какъ явился папаша съ хворостиной. На дочку звѣремъ смотритъ. Такъ ни съ чѣмъ и ушелъ Пашка. А на слѣдующее воскресенье явился — глядитъ, балаганчикъ заколоченъ. На вывѣскѣ значится: "Американское практическое бросаніе колецъ 40 штукъ 25 коп.". Тутъ же по голубо-

му полю выписанъ зеленый попугай съ розовымъ хвостомъ — въ клювѣ держитъ кольцо, а вѣтеръ несетъ съ дерева мимо попугая желтые липовые листья, заметаетъ ими со всѣхъ сторонъ балаганъ, цвѣтники помяты и вокругъ ни души — осень.

Тогда вспомнилъ Пашка слова гадалки — поперекъ дороги тебѣ стоитъ пожилой мужчина... будетъ тебѣ отъ ножа большая непріятность... зеленый попугай тебѣ въ жизни счастье принесетъ... — и такая тоска, и такая досада на дуру цыганку взяла, что невозможно описать. Пашка погрозилъ попугаю кулакомъ и пошелъ, обдуваемый со всѣхъ сторонъ сквознымъ вѣтромъ, черезъ порѣдѣвшій, пустынный бульваръ куда глаза глядятъ. Вышелъ на Срѣтенку, попалъ въ Просвиринъ переулокъ. День пасмурный, звонкій, осенній. Противъ хилой церковки — зеленое съ бѣлымъ — дѣйствительно домъ № 2. Пашка вошелъ во дворъ и своротилъ налѣво, а куда дальше итти — неизвѣстно. Тутъ заиграла посреди двора шарманка, на шарманкѣ сидитъ зеленый попугай съ розовымъ хвостомъ и смотритъ на Пашку круглымъ, нахальнымъ

глазомъ, съ замшевыми вѣками. Вскорѣ во второмъ этажѣ открылась форточка. Изъ форточки высунулась нѣжная ручка и кинула во дворъ пятакъ, завернутый въ бумажку. Сквозь двойную раму, надъ ватнымъ валикомъ, посыпаннымъ стриженымъ гарусомъ, среди кисейныхъ занавѣсокъ и фикусовъ, Пашка увидѣлъ Людмилу. Она радостно глядѣла на него, прижимаясь яркой щекой къ стеклу, дѣлала знаки пальцами, разводила руками, качала головой, манила — и ничего нельзя было понять, чего она хочетъ. Пашка тоже сталъ объяснять руками — выходи, молъ, плюнь на родителей, жить безъ тебя не могу! — но тутъ Людмилочку загородила толстая, усатая женщина въ турецкой шали, захлопнула форточку и погрозила Пашкѣ пальцемъ.

Пашка поплелся домой, промучался двѣ недѣли, мотался по ночамъ въ Просвириномъ переулкѣ, пугая прохожихъ, какъ воръ, извелся совершенно, а на третью недѣлю, въ воскресенье, вычистилъ брюки и пиджакъ спитымъ чаемъ, надѣлъ розовый галстукъ, наваксилъ щтиблеты и пошелъ прямо къ чорту на ро-

га, — дѣлать предложеніе руки и сердца. Дверь ему отомкнула сама Людмилочка, — увидѣла, ахнула, за сердце ручкой хватилась, но Пашка мимо нея прошелъ прямо въ горницу, гдѣ родители послѣ обѣдни пили чай съ молокомъ, и сказалъ:

— Пріятнаго аппетита. Извините, папаша, и вы, мамаша, извините, но только безъ Людмилочки мнѣ не жизнь. Какъ увидѣлъ, такъ и пропалъ. Дѣлайте, что хотите, а я тутъ весь передъ вами, — квалифицированный слесарь по шестому разряду, плюсъ нагрузка, хлѣбнаго вина не потребляю, членъ партіи съ 23 года, алиментовъ никому не выплачиваю, такъ что и съ этой стороны все чисто.

— Никакой я вамъ не папаша! — закричалъ старичокъ неправдоподобнымъ голосомъ, — и моя супруга вамъ не мамаша! Забудьте это!

— И что это еще за мода подъ окнами во дворѣ шарманку слушать и врываться къ посторроннимъ людямъ въ квартиры,—поддержала басомъ супруга. — Оставьте это при себѣ. Скажите пожалуйста! И не такихъ жениховъ видали, подумаешь, шестой разрядъ! Да за Люд-

милку въ прошломъ году одинъ управдомъ съ Мясницкой улицы сватался и то отказала. Выйдите, гражданинъ, изъ квартиры. А дѣвку на замокъ, тоже хороша. Намъ никакихъ тутъ слесарей не надобно, особенно партiйныхъ.

— Я съ одного практическаго бросанiя колецъ вырабатываю до тысячи рублей чистыхъ въ сезонъ, — запальчиво замѣтилъ папаша. — Да на четыреста рублей призовъ имѣю. Людмилочкѣ нуженъ мужъ съ капиталомъ для расширенiя дѣла. Однимъ словомъ, до свиданья.

— Такъ не отдадите? — спросилъ Пашка отчаяннымъ голосомъ.

— Не отдадимъ, — пискнулъ папаша.

— Хорошо же, — сказалъ Пашка грозно, — разъ съ капиталомъ для расширенiя дѣла, тогда сеансъ оконченъ. Будете меня помнить. Я надъ вами такое сдѣлаю... Прощай, Людмилочка, не сдавайся, жди.

А Людмилочка сидѣла въ прихожей на сундукѣ и ломала руки.

Плотно сжавъ челюсти, Пашка вышелъ на улицу, отправился на Сухаревскiй рынокъ и купилъ острый кухонный ножъ. Пришелъ домой и за-

перся на крючокъ. Зима пришла и ушла. Съ Чистыхъ Прудовъ на дровняхъ вывезли ледъ. Пашка аккуратно ходилъ на работу, — ни одного часа не прогулялъ, а по ночамъ сидѣлъ дома на крючкѣ, и сосѣди слышали у него въ комнатѣ тихій звонъ, — на гитарѣ что ли учился играть? — Неизвѣстно. Тронулась рѣка. Солнце начало припекать, позеленѣли, распустились деревья, на Чистые Пруды привезли на подводахъ лодки. Фотографы развѣсили въ аллеяхъ свои кремли и лунныя ночи. По вечерамъ на бульварахъ началось гулянье.

Каждое воскресенье Пашка аккуратно выходилъ на Чистые Пруды посмотрѣть, не открылся ли балаганъ. Онъ былъ закрытъ. Зеленый попугай съ розовымъ хвостомъ сидѣлъ на побѣлѣвшемъ отъ непогоды голубомъ полѣ и держалъ въ клювѣ кольцо, — надъ нимъ висѣли свѣжія вѣтви липы. Пашка былъ худъ и мраченъ. Въ одно прекрасное воскресенье онъ пришелъ, и балаганъ былъ открытъ. Въ дверяхъ толпились зѣваки. Внутри ярко горѣли лампы. Слышался металлическій звонъ и хохотъ.

Пашка раздвинулъ плечами толпу и вѣжливо подошелъ къ стойкѣ. Крутыя скулы подпирали каленные его глаза. Людмилочка подбирала кольца. Едва онъ вошелъ, румянецъ схлынулъ съ ея лица, она стала насквозь прозрачна, глаза потемнѣли, и ротикъ сдѣлался еще вишневѣй. Папаша поправилъ очки и подался немного назадъ.

— Разрѣшите, товарищи, — угрюмо произнесъ Пашка, отстраняя плечомъ кидавшаго кольца парня, и, не глядя на старика, кивнулъ дѣвушкѣ. Какъ неживая, она подала ему кольца. Онъ коснулся ея холодныхъ пальцевъ и бросилъ на прилавокъ трешку.

— Ты бы, товарищъ, тачку нанялъ, самовары возить, — хихикнули сзади.

Пашка, не оборачиваясь, взялъ кольцо и небрежно его кинулъ. Ножъ даже не дрогнулъ. Раздался краткій звягъ. Кольцо было накинуто, не задѣвъ ножа. Старичокъ торопливо почесалъ носъ и съ опаской положилъ передъ Пашкой коробку конфектъ Бабаева. Пашка отодвинулъ ее въ сторону и, отодвигая, какъ бы невзначай пустилъ второе

кольцо. Такъ же легко и коротко оно сѣло на другой ножъ. И не успѣлъ старичокъ досеменить до полки, чтобы подать вторую коробку, какъ Пашка плоско метнулъ вслѣдъ ему одно за другимъ три новыхъ кольца, и они легко, почти беззвучно, сѣли на три новыхъ ножа. Народъ смолкъ.

Старикъ обратилъ къ Пашкѣ маленькое свое лицо и заморгалъ глазками. Темная капля пота сползла по его лбу, какъ клопъ. Штаны его стали мѣшковаты и слегка осѣли. Пашка стоялъ нога на ногу, облокотясь о прилавокъ, и позванивалъ горстью колецъ.

— Такъ какъ же будетъ, папаша, съ Людмилочкой? — негромко спросилъ онъ и равнодушно осмотрѣлся по сторонамъ.

— Не отдамъ, — сказалъ папаша дискантомъ.

— Не отдадите? — сказалъ Пашка сонно — хорошо. Эй, малый, сбѣгай къ Покровскимъ воротамъ за тачкой, получишь самоваръ. Посторонитесь, папаша, чуточку.

Лицо Пашки сдѣлалось чугуннымъ. На лбу вздулась вена. Онъ легко взмахнулъ напряженной рукой. Изъ

его пальцевъ бѣгло полетѣли молніи. Ножи жужжали, застигнутые кольцами врасплохъ. Толпа выла, грохотала, росла. Народъ бѣжалъ къ балагану со всѣхъ сторонъ. Пашка почти не глядѣлъ въ цѣль. Его глаза разсѣянно блуждали. Онъ былъ страшенъ. Ни одно кольцо не упало въ мѣшокъ. Черезъ пять минутъ все было кончено. Пашка вытеръ лобъ рукавомъ. Толпа разступилась. Возлѣ балагана стояла тачка.

— Грузи, — сказалъ Пашка.

— Что же это теперь будетъ? — выговорилъ старичокъ съ трудомъ и затоптался возлѣ полокъ.

— А ничего не будетъ. Покидаю все барахло въ пруды, и дѣло съ концомъ.

— Да какъ же это такъ, граждане? — застоналъ старикъ по-бабьи. — Вѣдь, одного товара, граждане, на сорокъ червонцевъ, не считая предпріятія.

— А мнѣ наплевать, хоть на сто. Мое барахло. Я его не укралъ, честно выигралъ. Есть свидѣтели. Всю зиму практиковался, сна рѣшился. Что хочу теперь, то и сдѣлаю. Хочу себѣ возьму, хочу въ пруды покидаю.

— Правильно! — закричали въ толпѣ съ упоеніемъ. — Хоть подъ присягу! Только, слышь, граммофонъ все-таки не кидай.

Добровольцы съ улицы быстро нагрузили тачку до верху.

— Вези, — сказалъ Пашка.

— Куды жъ это вези? — захныкалъ старичокъ, — мнѣ теперь съ такими дѣлами, граждане, хоть домой не ворочайся... Неужто утопишь?

— Утоплю, — сказалъ Пашка. — Вези на мостки.

— Хоть Бога бы ты постѣснялся.

— Богъ это пережитокъ темнаго ума, папаша. Все равно, какъ зеленый попугай. А все дѣло — во! — и покрутилъ мускулистой рукой.

Окруженная живымъ кольцомъ напирающихъ людей тачка тронулась и, въѣхавъ на лодочные мостки, остановилась. Пашка снялъ сверху хромовые сапоги и бросилъ ихъ въ воду. Толпа ахнула.

— Постой! — чужимъ голосомъ крикнулъ старичокъ, бросаясь къ тачкѣ. — Не кидай.

Тогда Пашка положилъ сверху на вещи могучую свою руку и, опустивъ глаза, тихо сказалъ:

— Въ послѣдній разъ говорю, па-

паша, по-честному. Пускай всѣ люди будутъ свидѣтелями. Отдайте дѣвку и забирайте обратно барахло. На сто шаговъ больше къ балагану не подойду, а такъ все равно по вѣтру пущу все ваше предпріятіе, папаша. Нѣту мнѣ безъ Людмилочки жизни.

— Бери! — крикнулъ старикъ и махнулъ рукой. — Тьфу! Забирай!

— Людмилочка!—вымолвилъ Пашка и отступилъ отъ тачки, поблѣднѣвъ.

Она стояла подлѣ него, застѣнчиво закрывшись отъ людей рукавомъ. Даже ручки ея были розовы отъ стыдливаго румянца.

— Сеансъ оконченъ, граждане, можете разойтись, — сказалъ Пашка и такъ осторожно взялъ дѣвушку подъ локоть, словно онъ былъ фарфоровый.

По всему бульвару въ этотъ часъ пахло черемухой. Черемуха была повсюду, — въ волосахъ и въ водѣ. Не высоко надъ липами въ густомъ фіолетовомъ небѣ стоялъ мѣсяцъ, острый, какъ ножъ. И молодой его свѣтъ, отражаясь въ пруду, множился и дробился обручальнымъ золотомъ текучихъ живыхъ колецъ.

А вы говорите, что въ наши дни невозможны сильныя страсти. Очень даже возможны.

1926 г.

ЗЕМЛЯКИ

— Меня бабы любятъ, — говорилъ молодцеватый солдатъ съ ежевой головой. Онъ стоялъ посерединѣ избы. Кромѣ него, больныхъ было еще трое. Они лежали на нарахъ, покрытыхъ сухой, трухлявой соломой. Двое равнодушно смотрѣли въ потолокъ, а третій неподвижно лежалъ въ углу, весь замотанный и запутанный по-бабьи въ тряпье. Его знобило.

Зима была сѣверная: хмурая и глубокая. Деревянныя дачи и сосны, похожія на карандаши. Надъ станціей бѣлые комья паравознаго пара и косыя тучи воронъ. Товарные вагоны съ красными крестами и штабели пестрыхъ, березовыхъ дровъ.

Больные изнемогали отъ скуки и бездѣлья. Однако, изъ бригаднаго околотка на батарею никто возвратиться не хотѣлъ, потому что тамъ нужно было ходить въ наряды, копать, и могло убить. У одного изъ солдатъ былъ ревматизмъ. Другой

лечилъ чирья на ногахъ. У обмотаннаго начинался тифъ. Солдатъ съ ежевой головой былъ боленъ нехорошей болѣзнью.

— Мемя бабы любятъ, — говорилъ онъ, не торопясь. — Думаете — брешу? Ей-Богу, не брешу. А за что любятъ — чортъ ихъ знаетъ. Я съ бабами понимаю обращеніе. Бабу, главное, нужно брать не нахальствомъ, а обращеніемъ. Да. Потомъ не всякая баба нахальство уважаетъ. Конечно, есть которыя. Я за это ничего не говорю, однако, не усѣ. Съ хорошей бабой надо все честь честью. Она тебѣ — да, и ты ей — да. Она тебѣ — нѣтъ, и ты ей — нѣтъ. Это надо помнить. Да. Служилъ я на дѣйствительной службѣ въ холуяхъ у капитана Вирена. Самостоятельный былъ человѣкъ капитанъ Виренъ. И служила въ ихнемъ домѣ одна дѣвка. Горничная. Хорошая была дѣвка, чистая. Вполнѣ барышня. И поведенія ничего себѣ. Я думалъ спервоначала ее узять нахальствомъ. Ничего не выходитъ. Тогда я повелъ иначе. Она — да, и я — да. Она — нѣтъ, и я — нѣтъ. Въ лизіоны съ ней, въ театры съ ней. Шоколаду ей, напримѣръ, куп-

лялъ. Вышло по-моему. Она туды-сюды — уже поздно. Каждую ночь къ ней лазилъ. Что ни на есть каждую. Ажъ надоѣло. Ей-Богу. Меня бабы любятъ — это что и говорить.

Въ комнату вошелъ фельдшеръ съ термометромъ.

— А ты что, землякъ, все брешешь, какъ тебя бабы любятъ? — спросилъ онъ. — Бреши, бреши. Оно и видно, какъ тебя бабы любятъ.

И подмигнулъ.

— Ишь, — наградили.

— Эхъ, бабы! — съ дѣланной безпечностью сказалъ бывшій денщикъ. — будь онѣ трижды прокляты. Черезъ нихъ у меня уся жизнь, можетъ, испорчена.

Фельдшеръ сталъ трясти за плечо обмотаннаго.

— Землячокъ, спишь? Проснись, слышь. Температуру надо мѣрить. Ишь, трясешься. Градусовъ сорокъ, небось, наберется.

— Испить бы... — тихо сказалъ больной.

— Вставь-ка себѣ термометръ подъ мышку.

Больной покорно взялъ термометръ и затихъ. Ему было жарко и нехорошо.

Въ избѣ стемнѣло. Фельдшеръ ушелъ и пришелъ съ кружкой и керосиновой жестяной лампочкой безъ стекла. Лампочка горѣла красноватымъ, коптящимъ пламенемъ. Фельдшеръ поставилъ ее на печь, и сейчасъ же въ окнахъ стало сине, а изба просвѣтлѣла, но зато сдѣлалось тѣсно и грязно.

— Что плохо? — спросилъ фельдшеръ больного.

— Плохо.

— Надо доктору доложить.

Черезъ полчаса привыкли къ красному миганью лампочки, и стало опять скучно. Солдатъ съ ревматизмомъ сталъ чесаться. Его кусали клопы.

— Чортъ! Кусаются, проклятые. Не люблю я черезъ это Минской губерніи, что въ каждой халупѣ клопы.

Онъ суетливо сталъ на колѣни, вытащилъ изъ кармана стеганыхъ ватныхъ штановъ засаленный коробокъ, зажегъ спичку и сталъ водить пламенемъ по стѣнѣ.

— Опять жжешь клоповъ?—спросилъ солдатъ съ чирьями.

— Ж-жгу анафемъ. Закусали.

— А ты, смотри, халупу не подпали.

Помолчали.

— Не бойсь.

— Что и говорить, бабы меня любятъ, — сказалъ денщикъ. — А за что любятъ — неизвѣстно. Никакая противъ меня еще не устояла. Ей-Богу. Вотъ я въ прошломъ годѣ былъ въ отпуску, такъ отъ бабъ отбою не было. Солдатки. Скаженныя женщины!

— Да, солдатки, это правда, — сказалъ выжигатель клоповъ. — Скаженныя. Извѣстное дѣло. Мужа дома нѣтъ.

— А что жъ имъ смотрѣть, бабамъ-то! — сердито сказалъ солдатъ съ чирьями. — Мужъ въ окопахъ. Далеко. Безъ мужчины жить трудно! Эхъ. Жизнь наша каторжная. Только если я узнаю, что моя жинка крутитъ — убью. Ей-Богу, убью!

— Ладно. Не убьешь, — сказалъ денщикъ. — Ты лучше послухай. Прiѣзжаю я, значитъ, въ отпускъ. Все честь-честью; конечно, загулялъ. Отъ бабъ проходу нѣтъ. Только мнѣ такихъ бабъ не надо. Мнѣ надо, чтобы баба была молодая и ничего изъ себя, гладкая. А у насъ, третья

хата съ краю, живетъ одна, до-брая баба, солдатка. Зовутъ Даша. Дарья, значитъ. Аккуратная баба. Хорошо. Я на нее. Ничего. Соблюдаетъ себя, и никакихъ. Я нахальствомъ пробовалъ — не поддается. Ну, думаю, подкачалъ Егоръ. А еще легкій артиллеристъ! Подъѣзжаю къ ней и такъ и такъ — ничего. Прогуливаюсь съ ней кажинъ день — ничего. Говорю ей: приду до тебя спать. А она сидитъ бѣлая, какъ тая печка. Хоть бы улыбнулась — ничего. Я уже думаю себѣ — надо сниматься съ передковъ, тикать. И такъ люди съ меня смѣются. Такъ нѣтъ же. Пришла до меня сама, представьте. "Не могу, говоритъ, больше стерпѣть безъ мужа". А сама плачетъ, потому что мужа два года дома нѣтъ. Я ее, конечно, нѣжно такъ поцѣловалъ. за ручки ее беру, и то и се. Жилъ съ ней до самаго отпуска, какъ съ женой: приду къ ней ночевать — она сейчасъ съ меня сапожки сниметъ, ажъ дрожитъ вся. Чудо! Всюду ходила за мной какъ той цюцикъ. Тихая такая. Хорошая баба. И, главное, кто только къ ней изъ хлопцевъ ни подъѣзжалъ — ничего.

А противъ меня не устояла. Меня бабы любятъ, это да.

— А ты самъ какой губерніи? — спросилъ солдатъ съ чирьями подозрительно.

— Херсонской, Ананьевскаго уѣзда. Что, земляками будемъ?

— Не. Я таврическій.

— Да. Славная была баба Даша. Одно слово, чай съ молокомъ. Какъ сейчасъ вспомнить — ажъ сумно дѣлается.

Наступила довольно долгая тишина.

— А вы какого села будете? — вдругъ спросилъ слабымъ голосомъ обмотанный.

Всѣ обернулись къ нему. Изъ темнаго угла блестѣлъ только одинъ его внимательный глазъ.

— Мы изъ Николаевки, Ананьевскаго уѣзда. Что, земляками будемъ?

— Земляками, — отвѣтилъ обмотанный. — Мы тоже николаевскіе.

— А! — оживился денщикъ. — Значитъ, Дашу солдатку знаете?

— Знаю, — произнесъ слабый голосъ. — Жена она мнѣ. Жена. Земляки, значитъ.

Сдѣлалось такъ тихо, что стало

слышно, какъ на позиціи, верстъ за восемь, негромко стрѣляетъ пушка. Солдатъ съ чирьями кашлянулъ.

— Испить бы, — прошепталъ обмотанный.

У него опять начинался ознобъ. Ему было холодно и тяжело. Хотѣлось ничего не видѣть, не слышать и не чувствовать жара, который палилъ ему глаза и виски. Ему казалось, что нѣтъ ни войны, ни околотка, ни щетиннистаго солдата, что онъ у себя въ избѣ и что все это ему только мерещится въ страшномъ бреду.

Содержаніе:

№ 5. **А. Соболь. Княжна.**— 2.50.

№ 6. **Л. Сейфуллина.** Налетъ. — 2.50.

№ 7—8. **М. Зощенко.** О чемъ пѣлъ соловей. — 3.50.

№ 9. **А. Невѣровъ.** Въ садахъ. — 2.50.

№ 10—11. **А. Яковлевъ.** Женихъ полуночный. — 3.50.

№ 12. **П. Романовъ.** Весна. — 2.50

№ 13—15. **А. Толстой.** Голубые города. — 5 фр.

№ 16. **П. Романовъ.** Первая любовь. — 3 фр.

№ 17—19. **К. Фединъ.** Наровчатская хроника. — 4.50.

№ 20—21. **Л. Леоновъ.** Гибель Егорушки. — 4.50.

№ 22-23. **О. Форшъ.** — Тата и Аллочка.

№ 24-25. **Сейфуллина.** Степанида Линюхина — 3.50

№ 26. **В. Катаевъ.** Меня бабы любятъ. — 2.50

№ 27. **П. Романовъ.** Веселый бытъ. — 2.50

2 фр. 50 с.

ПО ПРЕЖНЕМУ

Выпуски **"Беллетристы Современной Россiи"** даютъ наиболѣе интересное и характерное изъ литературы, печатающейся въ Совѣтской Россiи и обильно, безъ разбора, перепечатываемой теперь за рубежемъ.

По прежнему наши изданiя остаются самыми дешевыми книгами на зарубежномъ рынкѣ.

По прежнему въ миніатюрныхъ книжкахъ "Дешевой Библiотеки", набранныхъ убористымъ, но четкимъ шрифтомъ, помѣщается значительное количество интереснаго и легкаго матерiала для чтенiя.

Читайте беллетристовъ Современной Россiи только въ нашемъ изданiи и вы познакомитесь съ лучшимъ изъ современной русской литературы и съ бытомъ и нравами современной Россiи.